

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР



МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использованы
иллюстрация художника *А. Шпакова*
и фотографии:
Andrey Arkusha, jlip, Aquamethods,
Petar Djordjevic / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Еще не вечер / Николай Леонов. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Николай Лео-
нов — классик советского детектива).

ISBN 978-5-04-183106-6

Странная компания собралась вокруг подполковника МВД Гурова в курортной гостинице: загадочный обеспеченный плейбой, бывшая спортсменка, ищущая любовных приключений, потенциальный киллер, прикидывающийся наивным бухгалтером, местный физкультурник с темным прошлым... Но даже в обществе такой одиозной компании можно было бы нормально отдохнуть, если бы не ДТП со смертельным исходом, случившееся на горной дороге. Милиция готова классифицировать происшествие как несчастный случай. Но Гуров уверен: авария подстроена, и погиб не тот, на кого покушались. А это значит, что еще одно убийство — дело ближайшего времени. Опытный сыщик начинает собственное расследование, внимательно присматриваясь к своим новым знакомым.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н., наследники, 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-04-183106-6

000 «Издательство «Э», 2017



Подполковник милиции Лев Иванович Гуров стоял на берегу Черного моря и швырял камешки в мутные невысокие волны, которые равнодушно и вяло взбегали на берег, шуршали галькой и отступали для нового разбега. Бросать камешки было неинтересно — и всплеска не видно, и звука не слышно, но Лева занятие свое не прекращал и, отбросив пригоршню, наклонялся за новой порцией гальки. Камешки были одновременно и теплые, и прохладные. Сначала он удивился, вроде так быть не должно, затем сообразил, сыщик как-никак: солнце нагревало лишь верхнюю, наружную часть камешка, «спинку», так сказать, а его «животик» оставался прохладным, чуть влажным.

Мартовское солнце даже в полдень было незлобивым, рассеянным, на пляже лежали только отчаянно терпеливые. Некоторые ухитрились порозоветь, большинство же светилось здоровой городской свежестью, похожей на снятое молоко. «И кожа у них, наверное, в пупырышках», — лениво подумал Гуров и попытался зашвырнуть камешек подальше. Получилось плохо, камешек исчез

Николай Леонов

где-то в невысокой волне в нескольких метрах от берега.

— Здравствуйте, — сказала, подходя к Гурову, стройная молодая девушка. — Наконец вы нашли себе подходящее занятие, — и опустила на землю сумку и одеяло.

— Здравствуйте, Таня, — ответил Гуров, отряхнул ладонь и присел на шершавый валун.

Они познакомились несколько дней назад, на этом же месте, когда Лева тоже пытался загорать. Она так же подошла и поздоровалась, спросила, как его зовут, не скрывая насмешки, оглядела с ног до головы. Гуров, представляясь, как всегда, замялся. Лев Иванович — звучит претенциозно, Лев — смешно, Лева — вообще не звучит.

— Гуров, — буркнул он и, стараясь не торопиться, натянул на себя тренировочный костюм фирмы «Адидас». Этот костюм он успел возненавидеть в первый же день по приезде. Подавляющее большинство отдыхающих красовалось в чем-то подобном, и Лева, к немалой своей досаде, невольно оказывался в общем строю. «Вернусь и заставлю Ритку продать. За сумасшедшие деньги терпеть унижение...» — решил он тогда.

В день знакомства Гуров узнал, что Таня местная, живет с мамой в собственном доме, окончила курсы медсестер, работает в санатории, сейчас, как и он, в отпуске. Слушая ее неторопливую речь, Гуров, полузакрыв глаза, разглядывал новую знакомую и ду-



мал о том, что такие девушки встречаются на Кавказе, возможно, в Ростове или Краснодаре, но не в Москве и Ленинграде. Смешение рас, то самое, о чем булгаковский Воланд говорил: «Причудливо тасует-ся колода». Русская? Украинка? Нет. Но и не армянка и не грузинка. В Тане было понемногу от нескольких народов, причем взято далеко не лучшее, но в совокупности получилась женщина, на которую любой мужчина обратит внимание. Сильное смуглое тело, которого она не чувствует, не демонстрирует, как животные не ощущают свою естественность и красоту: они такими родились, такими и живут.

С первого дня Таня держалась с Гуровым как со старым знакомым: без кокетства, ненавязчиво, но и не скрывая своего любопытства к новому и ей неизвестному, что нес в себе человек из далекой Москвы.

— Станный вы, непонятный. — Таня расстелила одеяло и легла, не раздеваясь. — Вижу, вы мужчина сильный, самостоятельный, с другой стороны — одинокий, словно потерянный.

— Так оно и есть. — Гуров рассмеялся.

— Вы очень хорошо слушаете, с интересом, но без любопытства. О себе ни слова, но и таинственность не изображаете. — Таня, видимо, пригрелась, стянула с себя кофточку. — А мне интересно. Можно, я вас порасспрашиваю?

— Зачем? — Гуров пожал плечами. — Я сам признаюсь. — Верный своему принципу врать

Николай Леонов

лишь в крайнем случае, сообщил: — Тридцать семь, женат, дочь, юрист. Выгнали из дома, приказали отдыхать, мол, нервное истощение у меня.

— А жена не ревнует? Отпустила на юг, одного.

— Ревнует, однако гордая, — ответил Гуров, подумал и добавил: — И умная. Мужчину нельзя удержать силой. Он либо любит, либо не любит.

— А вы всегда говорите правду? — Таня лукаво улыбнулась.

— Стараюсь. — Гуров пожал плечами. — Не всегда получается. Жизнь врать порой заставляет, бывает, характера на правду не хватает. Слаб человек.

— Потрясающе! — Таня села и уставилась на него, словно увидела что-то ей совершенно незнакомое.

Гуров решил инициативу в разговоре перехватить, используя старый, избитый прием: встречный вопрос.

— А как у вас, Таня, с правдой и ложью? Каковы ваши взаимоотношения?

— У меня? — Таня почему-то удивилась, затем захохотала, свалилась на одеяло. — Умереть можно! Я же баба! Для меня правду сказать — что укусу выпить.

Она явно валяла дурака, говорила чушь, желая отгородиться, спрятаться. Гуров невольно насторожился, придавая голосу серьезность, сказал:

— Зачем женщин обижать? Думаю, вы разные.



— Думаешь. — Таня вновь села, взглянула на Гурова уже без любопытства, оценивая, словно прикидывая, с какого боку ударить.

Он взгляда не отвел, не улыбнулся. Пауза излишне значительно затягивалась. «Ох и непроста ты, девушка, что-то мне голову морочишь». Гуров словно проснулся. Начал прокручивать все их встречи и беседы, понял, что не успевает — не все восстановит, не поймет вот так, сразу. И прошлое отбросил, сосредоточился на настоящем.

— Ох, мужики, мужики, — вздохнула Таня. — Повелители, умники, которые все знают. Мы, конечно, разные, а в одном, считай, одинаковые. Что правда, что ложь? Добро? Зло? Да ну вас! — Она махнула на Гурова рукой, повернула лицо к солнцу. — Такой день! Настроение! Все испортили!

«А что я, собственно, испортил? — подумал Гуров. — И кто этот разговор начал? Что-то ты, девушка, запуталась, сейчас я тебе помогу выбраться».

— Я согласен, — миролюбиво заявил он. — Вы врушка. Свойственно данное качество вашему очаровательному полу... Оставим это. Поговорим о вас лично. Вы ведь живете на холме? — Гуров указал направление.

— И это правда, — обрадованно согласилась Таня.

— У вас пляж лучше, галька мельче, и идти вам в два раза ближе. А вы сюда приходите. Почему? Соврите что-нибудь оригинальное.

Николай Леонов

— Вы мне нравитесь.

— Интересно. — Гуров кивнул. — Вы меня в бинокль разглядели?

Таня два дня прогуливалась у гостиницы, поджидая Гурова, но сказать об этом, по известным причинам, не могла, а быстрого ответа, похожего на правду, не находила. Поэтому отделалась немудреной шуточкой:

— В программе «Время» передавали, что Лев Иванович Гуров прибыл на наш курорт, остановился в гостинице «Приморская», страдает нервным истощением, требуется развлечь.

— Здорово! — Гуров захлопал. — Развлекайте! Хорошо, что в программе «Время» назвали мое имя и отчество. А то как бы вы узнали, что я Лев Иванович?

— Ой! — Таня схватилась за голову. — Это у вас в Москве никто никого не знает. У нас проще. В гостинице две мои подружки работают. Я такое о вас знаю... Закачаетесь!

— Поделитесь! Может, и я закачаюсь?

— Нет! У вас своя компания, у меня — своя.

— Тогда не смею мешать. — Гуров церемонно поклонился. — Всего наилучшего, — и, стараясь не оступиться на осыпающейся под ногами гальке, поднялся на набережную.

Таня смотрела ему вслед и думала, что напрасно приходит сюда. Этот человек ей не по зубам, можно нарваться на неприятности.